

— **Ольга Александровна, расскажите, пожалуйста, как появился «Словарь трудных слов из богослужения»?**

В 1992-ом году Никита Ильич Толстой — учитель и мой, и Александра Кравецкого, и Александры Плетневой — предложил нам вести в журнале «Советское славяноведение» новый раздел: «Уроки церковнославянского языка». До этого у нас уже был опыт преподавания: Кравецкий вел полуподпольные занятия по церковнославянскому языку, а я в советские годы — еще совсем подпольные. Тогда мы еще немного прятались, потому что такие занятия квалифицировались как «религиозная пропаганда».

— **А как вы решили, что надо организовать такой «кружок»?**

— Меня об этом попросили. Знакомые мне часто задавали вопросы о значении разных слов, разных стихов из богослужений. А потом несколько человек решили объединиться и начать регулярные занятия славянским. Я совсем не собиралась быть учителем и сама не решилась бы, потому что мое понимание было по существу интуитивным — ведь я сама специально церковнославянскому не училась.

— **А как же Университет?**

В университете мы учили старославянский язык — это совсем другое. И изучали мы его в сугубо лингвистическом аспекте: реконструировали в церковнославянских словах праславянские, индоевропейские формы, корни, чередования звуков... Читать — и особенно понимать — тексты это совсем не помогает. Кроме того, старославянский (в Болгарии его называют староболгарским) — язык первых рукописей X–XI веков очень далеко отстоит от синодального церковнославянского языка (так называют период, когда язык богослужения был упорядочен до современного состояния).

Ни в светской лингвистике, ни в церковной науке не описано, что происходило с языком между этим двумя эпохами. Были справы, были стихийные изменения... Новые тексты расширяли словарь (на старославянский еще не было переведено множество текстов, которые вводились в употребление в дальнейшие века). Вся эта эволюция не описана. Еще до всякого преподавания меня очень интересовал этот вопрос: как из старославянского языка развивался церковнославянский. Я пыталась найти какой-то учебник по истории церковнославянского языка, но скоро поняла, что таких учебников просто нет. Так что учиться было негде.

Любовь к церковному языку была у меня с детства. Бабушка научила меня читать по-славянски еще до школы. Она часто просила: «Почитай! Ах, как же хорошо ты читаешь!» А я и читала ей вслух — Псалтырь, акафисты, каноны (они у нее были переписаны в школьные тетради). Мне все это очень нравилось. То, что слышишь с раннего возраста, остается в сознании глубоко. Так у меня в голове осталось много этих удивительных фраз, словосочетаний.

Естественно, я ничего в них не понимала, но это меня и очаровывало. Мне казалось, что это наш язык, но такой, каким он становится на небесах или в волшебной сказке. Особенно мне нравились глаголы и их окончания: -аху, -аше... И союзы вроде «дондеже», «аще». Но главное, наверное: я слышала, что этот язык поэтичнее, чем тот русский, на котором мы говорим. На нем все звучит как стихи (стихи я ведь тоже запоминала, не понимая).

Много позже мне захотелось понять, что же там говорится. Я стала размышлять над словами. Первое движение можно выразить так: «Это значит не то, что я думаю». «Внуши моление мое» — явно не то, что я думаю, то есть здесь не русское значение «внушить». А какое же? Окончательной проверкой стало,

в конце концов, сопоставление с греческим оригиналом. Но именно проверкой — потому что догадывалась я каким-то другим образом.

Это как бы биографическая предыстория словаря.

Была еще и лингвистическая. Меня в языке больше всего интересовала семантика и ее история. Как меняется значение слова, как одни его смыслы отступают и выходят вперед другие. В университете я искала такой предмет: историческая семантика. Оказалось, что такого предмета не существует.

— Как проходили ваши занятия по церковнославянскому? Много людей приходило?

— Сначала было много: мы собирались где-то в мастерских у художников. Но в то время все кухонные и чердачные разговоры велись на «последние темы» — о жизни, о смерти... И когда люди поняли, что придется просто учить спряжения и склонения, почти все разбежалось. Думаю, что первые два года наших занятий в этих мастерских не принесли особого результата. Разве что я училась преподавать. А когда стали собираться у меня дома, это было уже более серьезно.

Участники этого семинара знали, зачем им это изучение, и готовы были заниматься. Среди них был Александр Корноухов, художник, автор многих храмовых мозаик. Приходила Ирина Лозовая, наш лучший знаток древнего церковного пения. Они тоже просвещали нас: Ирина Лозовая рассказывала о донотных записях пения, Александр Корноухов — о византийской архитектуре, которую он прекрасно знал. Были среди нас два чтеца (кстати, в качестве одного из названий словаря предлагалось «Друг чтеца и певчих»). Был будущий батюшка.

— По каким книгам вы занимались?

Учебную программу я писала на ходу. Мне удалось найти дореволюционные учебники для гимназий, но я поняла, что они нам не помогут, потому что они написаны с расчетом на участие квалифицированного преподавателя. Там давались грамматические парадигмы (склонения, спряжения) и тексты почти без комментариев. Ведь церковнославянский обычно преподавал священник, он эти тексты объяснял и комментировал. В нашем же случае нужен был бы учебник, построенный как самоучитель, приближенный к практическому чтению текстов. Разбор синтаксических построений, значения падежей и т. п.

Борис Андреевич Успенский дал мне грамматику церковнославянского языка, изданную в Америке, иеромонаха Алипия — тогда это была огромная редкость! Вот, опираясь на эту грамматику, мы и читали богослужебные тексты с комментариями.

Нужно сказать, что язык — это вовсе не единственная причина, по которой трудно понимать литургические тексты. Это другой семантический и символический мир. Даже если перевести всё богослужение на русский язык, традиционная символика без комментария останется непонятной.

Во время преподавания я для себя отметила два основных затрудняющих обстоятельства в чтении и понимании церковнославянского текста. Во-первых, это синтаксис, другие значения падежей — и особенно инверсии, то есть измененный порядок слов, который для человека, привыкшего к новой русской литературе, непонятен. След поэтических инверсий в греческих оригиналах. И вот мы знаменитое «плетение словес», «извитие словес» распутывали и выпрямляли.

Во-вторых, это другое значение знакомых слов, иллюзия их понятности. В отношении церковнославянского и русского это обширнейшая область ложных «совпадений». Я даже не думала, что таких [паронимов](#) ^[4] так много!

— Например?

Некоторые из них общеизвестны, типа живот — жизнь, понос — поношение, позор — зрелище, публичное собрание. Я думала, что таких слов наберется сотня-другая, но в последнем издании словаря их около 3000! У меня не было такого грандиозного замысла — каждое слово проверить по греческому оригиналу, указать его употребление, привести цитаты и каждую из них перевести. Классические словари ограничиваются сводом употреблений, не переводя их. «О, знал бы я, что так бывает, когда пускался на дебют!». Начиная, я не знала, какой труд меня ждет. Я собиралась сделать небольшой учебный список слов, которые обыкновенно понимают «по-русски», когда они значат другое.

Помню, все мои ученики слово внуши в Псалме понимали как обычное русское слово внуши, то есть вложи мне в ум. А правильное значение — услышь, вонми. Я проверяла потом на детях, и оказалось, что дети лучше догадываются, что здесь что-то не то. Взрослое сознание быстро находит окольные пути, чтобы как-то обосновать свои неверные догадки. Например, почему мы так настойчиво молимся об «озлобленных душах» (если понимать это слово по-русски)? И объяснят, почему... В действительности же имеются в виду «те, кому причинили зло», «страдающие от других» (ср. «озлобили преподобного» — это не значит, что его сделали злым).

Вот один из моих любимых примеров: «яко непостоянно величие славы Твоя». Спрашиваю у взрослых: что это значит — «непостоянно»? Разве величие Славы Божьей может мерцать, быть больше или меньше? И все начинают сразу придумывать, как бы так сделать, чтобы увязать привычное (и неправильное) понимание с чем-нибудь правдоподобным. А дети задумываются и понимают, что здесь есть корень стоять, постоять, то есть непостоянный-то, против которого нельзя постоять. Я много раз убеждалась, что дети слышат структуру слова гораздо отчетливее. У взрослых слова слипаются, они уже не видят их частей.

— В чем была главная трудность преподавания?

— Церковнославянский язык — в общем-то, язык искусственный: он был создан для перевода сложных, изошренных сочинений на устный племенной язык, который еще не выработал словаря для важнейших отвлеченных и богословских понятий. Но работу переводчиков я описываю во вступительной статье к словарю, не буду повторяться. Разные виды смысловых расхождений. Иногда они довольно тонкие, не такие очевидные, как «живот» и «позор». Как, например, слово теплый. По-русски «теплый» означает среднее между холодным и горячим, а по-славянски — очень горячий. То есть теплая молитва — это ревностная, пламенная, горячая молитва.

Или слово тихий — по-русски это негромкий. Тихий нрав — так говорят про человека умеренного или слабого темперамента. А славянское слово тихий — это не просто «слабый», он еще и радующий, успокаивающий. В греческом и славянском языках слово тишина соотносилось со употреблялось также и по отношению к правителям, к спокойному периоду во власти, когда не было бурь, войн (ср. Тишайший).

— И тогда началась работа со словарем...

— Первый словарь мы делали еще в докомпьютерную эпоху. Более трудных обстоятельств для работы, наверное, и придумать трудно: издания малодоступны, не было ни электронных баз, ни хорошего словаря, с которым можно было бы что-то сравнить. Естественно, я обращалась к Древнерусскому словарю Срезневского (там другая лексика), к словарю Дьяченко (у которого тоже паронимов по существу нет)...

Оказалось к тому же, что система сносок, ссылок на богослужебные тексты совсем не разработана. Вплоть до конца XX века об этом никто и не подумал. Обычно в проповедях, в статьях просто даются отрывки

из богослужебных текстов целиком. А в словаре таких ссылок очень много, поэтому надо было разрабатывать систему сокращенных ссылок. В этом мне помогала монахиня Елена (Хиловская), она прекрасно знает литургию. Вместе с ней мы и придумали эту систему сокращений и сносок.

— **Как вы выбирали слова для словаря?**

Я читала подряд все богослужебные книги — Постную Триодь, Цветную Триодь, Октоих, Минеи..., и каждое «трудное» слово выписывала на карточку. Потом читала всё по второму разу и снова находила слова, похожие на русские. Мне вообще кажется, что это бесконечный процесс. Поэтому первое издание и названо не «словарь», а «Материалы к словарю». И второе издание словаря нельзя назвать завершенным. Прочитаете еще 3 раза те же тексты — и вновь найдете что-то новое.

— **В ту докомпьютерную эпоху делали картотеку, наверное?**

— Карточки наклеивались на большие листы. Мне помогала моя крестница, дочка Александра Корноухова (теперь она тоже стала мозаичистом, а тогда училась в 10-м классе) — она всё это склеивала, выписывала красивым почерком. А толкования слов я потом туда сама вписывала. У нас накопилась огромная куча этих листов. Тогда еще не был разработан славянский шрифт. Саша Кравецкий путем хитрых поисков нашел какой-то шрифт и научился набирать (я до сих пор не умею). Я ему давала от руки написанные листы, а он набирал. У меня сохранились первые правки по набору Кравецкого.

— **А как возникла сама идея — сделать словарь, сделать отдельное издание?**

— Даже не помню — наверное, кто-то предложил, потому что мне обычно такие идеи в голову не приходят. Постепенно к тому, что уже было опубликовано в журнале, собралось много дополнений. Мне помогали аспиранты-классики, особенно много сделал Александр Викторович Марков. Он сверял слова по греческим богослужебным текстам. В конце концов, Юрий Анатольевич Шичалин предложил всё это издать отдельной книгой. Редактором он назначил Марью Сергеевну Касьян, и это значило, что меня ждала еще гора работы. Работал от издательства над текстом [Федор Людоговский](#) ^[5], тогда еще не отец Федор. Он тоже был суров.

— **Вы предполагали сделать более простое издание?**

Мой замысел был такой — сделать учебный словарь, который помогает читать, но не претендует на лексикографическое совершенство. А Марья Сергеевна работала над словарями Института русского языка, она привыкла к самым высоким требованиям и хотела, чтобы всё было в порядке — все сноски, все греческие отсылки, чтобы каждая фраза была переведена.

— **На каждое слово ведь вы еще приводите контексты...**

— Да, своеобразие этого словаря именно в том, что к каждому слову приведены контексты и каждый отрывок переведен. Я делала всё это на собственный страх и риск, потому что у большинства этих текстов русского перевода вообще не было. Но по опыту преподавания я поняла, что даже если слово понятно, то этого еще мало. Надо понять, как оно действует в контексте. В итоге там оказались очень большие цитаты из разных текстов, и все они были переведены. Марья Сергеевна беспощадно заставила меня перевести всё и к каждому слову дать греческое соответствие. А как мы искали фразы, к которым я забыла выписать отсылку... «Где такое может быть? В Октоихе? В Минеях?»

Этот словарь можно читать как книгу. Некоторые читатели, особенно квалифицированные, хорошо знающие сами тексты, говорили мне, что читали этот словарь как детективный роман. Привычки понимать то или другое слово меняется так неожиданно!

— **Расскажите о самых памятных Вам откликах...**

Как-то к моей сестре пришел знакомый батюшка, и она подарила ему этот словарь. Он очень обрадовался, а потом сказал: «Как раз сегодня мы выясняли с отцом дьяконом, что такое „озлобленная душа“, о которой мы каждый день молимся. Наверное, это не то, что мы думаем». И, действительно, интуиция этого его не подвела: не то, что мы думаем. Он открывает словарь и видит, что озлобленный — это тот, кому принесли зло, оскорбленный, униженный кем-то человек, а вовсе не тот, кто сам стал злым.

Удивительно, что часто ключевые слова, которые повторяются почти каждый день, остаются в зоне такой «почти понятности».

— **Какова была реакция читателей на эту рубрику в журнале?**

— Журнал читали в основном лингвисты. Я не думаю, что в этот журнал кто-то еще заглядывал.

— **То есть настоящий отклик пошел, когда был выпущен словарь?**

— Да, потому что прихожане храмов, священники, чтецы, певчие — не читатели «Советского славяноведения». Первый тираж разошелся быстро, хотя не было никакой рекламы, очень скромные презентации. Тогда мы решили делать второе издание. В нем были учтены замечания рецензентов (меня поразила рецензия английского слависта, который прочел все до буквы и заметил ошибки в греческом наборе!).

— **Словарь живет уже 7 лет?**

— Да, первое издание было в 2005-ом году. Сначала книга называлась «Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю». Вообще-то, строго говоря, термин пароним — слова, близкие по звучанию, но имеющие разное значение, — обычно употребляется в рамках одного языка. А здесь два разных языка. Но В. В. Виноградов говорил о паронимах и в этом смысле. А вот уже второе и третье издание мы назвали иначе: «Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы». Мы немного сдвинули в тень «паронимы», потому что такое академическое название отпугнет среднестатистического церковного человека. Все же словарь был задуман для широкого читателя.

Книга вышла в издательстве Юрия Анатольевича Шичалина. Его издания отличаются очень высоким качеством, они академичны в лучшем смысле слова. В конце словаря — обратный греческо-церковнославянский словарь (его сделал А. В. Марков), а также множество примечаний, большая вводная статья, которая вкратце представляет историю церковнославянского языка, точнее, наметки к этой истории. Презентация этого словаря происходила и в Петербурге, и в Москве.

Мне приходилось слышать много благодарностей от священников. Говорили, что для них это необходимейшая книга, что они хотели бы дать эту книгу прихожанам. Но для этого нужен другой тираж и более легкий тип издания. Вот [отец Николай Балашов](#) ^[6] говорил, что надо бы сделать народное издание — не для специалистов, не академическое. Обратный греческо-церковнославянский словарь, например, там будет не нужен, какие-то специальные вещи можно убрать и просто сделать удобную книгу для чтения. Но пока никто этого не сделал.

— **А в чем главное затруднение в этой работе?**

— Можно было бы проделать эту работу, если пригласить помощников. Но вопрос в том, что выбор нужных слов невозможно формализовать: я не могу объяснить другому человеку, на какие слова нужно обращать внимание, какие слова выписывать. Чтобы понимать, что то или иное слово не значит «не совсем

то, что мы думаем», надо хорошо понимать всю фразу. С помощниками и с теперешними возможностями (электронной базой данных) можно было бы продолжать работу.

И вот еще отклик. Словарь этот попал в Амвросианскую библиотеку в Милане. И на основании этого словаря меня приняли в Амвросианскую Академию, в ее Славянский отдел.

Причина семантических расхождений русского и ЦСя

Причина семантических расхождений русского и церковнославянского слова чаще всего заключается в том, что в основе славянского лежит значение того греческого слова, которое первые переводчики связали со славянской морфемой, и которое не может быть известно носителям славянского языка, если они не получили соответствующего образования.

Иногда таким образом вошли и навсегда остались в славянском языке простые переводческие недоразумения. Так, например, слово «пища» в значении «наслаждение» («рай пищи», «пища нетленная») и «пищный» в значении «сладостный» («рай пищный») возникло от смешения двух греческих слов: «τροφη» и «truphe» — «пища» и «наслаждение». Такого рода примеры можно умножить, но далеко не все сдвиги объясняются из греческого субстрата. Почему, например, греческому *eleison*, «помилуй», в славянском часто соответствует «очисти»?

Но, каковы бы не были причины расхождений, такие «двойные» слова, входящие и в русский, и в церковнославянский, чаще всего и затрудняют понимание церковнославянских текстов. Здесь человек уверен, что ему всё понятно: ведь это слово – скажем, «губительный» – он прекрасно знает! Слово «гобзует» он посмотрит в словаре – но зачем узнавать там значение «губительства»? А слово это означает эпидемию, заразный недуг.

Преподавая, я проводила небольшие эксперименты: я спрашивала людей, которые знают эти тексты наизусть, и даже читают их в храмах: «А что это значит?» Не в символическом, не в каком-то дальнем смысле – в самом простом: что здесь говорится?

Первой реакцией обычно было удивление: а что тут понимать? все ясно. Но когда я всё-таки настаивала, чтобы это передали другими словами, то часто оказывалось, что тот или этот оборот понимается прямо наоборот! Я повторяю, я говорю только о буквальном значении.

Вот один из моих любимых примеров – слово «непостоянный» («astatos» по-гречески): «яко непостоянно величие славы Твоя». И вот все спокойно объясняли: ничего странного, конечно, оно изменчивое. Когда же я говорила: «Но величие Божие не может быть изменчиво, оно всегда то же», это вводило в замешательство.

На самом деле, славянское «непостоянно» ничего общего с «изменчивостью» не имеет, это русское значение. По-славянски это значит: то, против чего нельзя «постояти», выстоять. То есть «невыносимое», неодолимое величие. Из слов такого рода и составлен мой словарь – первый в этом роде, поскольку таких выборочных словарей церковнославянского языка еще не было. Это первая попытка, и я предпочла назвать то, что сделала, не «словарем», а «материалами к словарю».

Диапазон расхождений этих церковнославянских значений с русскими может быть разным: резким, вплоть до противоположного, как в «непостоянном» — или очень мягким и тонким, который можно не заметить. Таким, как, например, в слове «тихий». «Тихим и милостивым вонми оком». Славянское «тихий», в отличие от русского, имеет в виду не акустическую слабость (как русское «тихий» — негромкий) и не пассивность (русское «тихий» в противопоставлении бойкому, агрессивному).

Славянское «тихий» противопоставлено «грозному», «угрожающему», «штормовому». Как тишина на море, штиль, отсутствие бури. «Тихий» — это такой, в котором нет угрозы. И, кроме того, слово «тихий» может передавать греческое «радостный», и не только в молитве «Свете тихий». «Тиха бо дателя любит Бог»: Бог любит того, кто подает милостыню с радостью.

И еще одно слово, тоже очень важное, в котором смещение по сравнению с русским как будто не слишком значительное — слово «теплый». Славянское «теплый» — не «умеренно горячий», как русское»: это как раз «очень горячий», «жгучий» — и отсюда: «ревностный». «Теплый молитвенник» — горячий, ревностный молитвенник. При этом привычка понимать «тихий», «теплый» в русском смысле во многом и создала образ православия.

Но само это искажение может быть плодотворным, может принести интересные плоды. В конце концов, оно уже часть традиции. И я бы очень осторожно смотрела на такие вещи, потому что они и составляют традицию, большую традицию восприятия восточного православного христианства, даже если она возникла из простого лингвистического недоразумения.

Такого рода непонимание, или понимание славянских слов в русской перспективе разделяют и те, кто переводит православное богослужение на другие языки. Я смотрела английские, немецкие, итальянские переводы — и увидела, что в предсказуемых местах всё понято именно так. Например, «Умиление» (иконографический тип) везде будет переведено как «нежность», «растроганность» (Tendresse, Tenerezza и под.)

Тогда как «умиление» («katanyksis») — это «сокрушение» или «помилование», а вовсе не «нежность». И вместе с тем, привычка примысливать к славянскому русское «умиление», невольную растроганность, и русское «умильный», трогательный (славянское: приводящий в сокрушение) — это привычка, дорогая нам. Уточнение значений, с одной стороны, необходимо для понимания, а, с другой стороны, здесь необходима особая деликатность, чтобы не отменять того, что так дорого, что вошло уже и в светскую культуру. Что навсегда помнится как родной образ.

Церковнославянский язык, в конце концов, представляет собой — я думаю, уже много веков представляет собой — не столько язык, сколько текст. Он не работает как язык, как порождающая реальные новые высказывания структура. Он и есть высказывание.

Весь объем церковнославянских текстов, все тексты на церковнославянском языке — это своего рода один текст, одно огромное и прекрасное высказывание. Самой малой цитаты из него достаточно, чтобы вызвать весь образ церковного богослужения, его благовоний, тканей, огней в полутьме, мелодических оборотов, его изысканности из линейного времени... всего, что связано с плотью богослужения.

Ольга Седакова